

УДК 81'371

DOI: 10.17223/19986645/38/3

А.В. Колмогорова

**ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
И СЕМАНТИКА СЛОВА «ПО УМОЛЧАНИЮ»: ОПЫТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматриваются место и функции представлений, формирующих нормативную картину мира этноса, в денотативном значении слова. На основе анализа и интерпретации результатов ценностно-семантического эксперимента с более чем 200 информантами формулируется гипотеза о существовании в языковом сознании представителей лингвокультурного сообщества прототипической языковой картины мира, аккумулирующей представления о свойствах и качествах объектов окружающей среды при естественном, «нормальном» положении дел.

Ключевые слова: прототипическая языковая картина мира, денотативное значение слова, норма, ценностно-семантический эксперимент, категория.

Введение

Исследование посвящено изучению имплицитных признаков, фундированных в представлениях носителей языка и культуры о естественном, нормальном положении дел, «по умолчанию» входящих в денотативный компонент¹ значения слова и обуславливающих аргументативные, шире – воздействующие, функции последнего в речевом общении.

Обосновывается необходимость уровневой модели нормативной языковой картины мира, где представления о естественной норме, обсуждаемые в настоящей публикации, концентрируются на прототипическом уровне, так называемом «базовом» уровне должного.

Гипотеза исследования состоит в том, что представления о прототипических качествах объекта/процесса, репрезентирующего определённый фрагмент картины мира этноса, имплицитно включаются в семантику обозначающего его существительного или глагола, предопределяя прагматическое значение и функцию признаков языковых единиц, образующих ближайший синтагматический контекст данных лексем.

Предлагается основанная на экспериментальной работе методология, позволяющая выявить и описать прототипические представления носителей лингвокультуры о том или ином фрагменте картины мира, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать и интерпретировать «поведение» признаковой лексемы в коммуникативной практике носителей языка.

Таким образом, объект исследования – это особый аспект языковой картины мира этноса – прототипическая языковая картина мира, а предмет –

---

¹ Под денотативным компонентом ЛЗ слова мы понимаем, вслед за И.А. Стерниним, основной компонент значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Данный компонент содержит в себе некоторые абстрактно-логические, понятийные, образные, эмпирические признаки.

корреляции семантики существительного или глагола и прагматического потенциала способных сочетаться с ними признаков лексических единиц с представлениями о нормативных признаках и характеристиках, обозначаемых существительным/глаголом объектов и процессов, соответственно, в прототипической языковой картине мира.

Материал исследования включает в себя результаты экспериментальной работы с 203 информантами, носителями русского языка.

В ходе исследования применялись методики ценностно-семантического эксперимента, анкетирования, качественно-количественного анализа.

1. Изучение имплицитных денотативных признаков в семантике: к истории вопроса

Мысль о том, что денотативное значение слова включает в себя не только понятийные и перцептивно воспринимаемые параметры класса объектов, которые могут быть названы данным словом (размер, форма, цвет и т.д.), но и некоторую совокупность имплицитных представлений о том, какими имманентными и «невидимыми глазу» характеристиками должен обладать лучший представитель данной денотативной категории (работа должна быть «в норме» тяжёлой, а родственник – близким), достаточно давно обсуждается в семантике. Вопросы вызывает, прежде всего, факт наличия некоторого имплицитного ограничения на сочетаемость, например, существительного с прилагательным там, где несколько вариантов атрибутивной характеристики логичны, онтологически непротиворечивы, но всё-таки одно сочетание кажется естественным, а другое – не совсем. М.Ф. Мортюрё [2] замечает, что интересным кажется факт, что существительное *acte* ('поступок') чаще и естественней в речи сочетается с прилагательным *injustifiable* (которому нет оправдания), чем с *justifiable* (которому есть объяснение, который можно оправдать). Можно высказать предположение, что в нормативной картине мира, в данном случае – французов, прототипический поступок должен быть объясним, а поскольку отклонения от нормы чаще обращают на себя внимание и маркируются [3. С. 84], сочетание *un acte injustifiable* более частотно. Увидеть эти глубоко фундированные в истории, менталитете этноса представления о том, какова социальная, культурная характеристика прототипического объекта некоторого денотативного класса, архисложно. «За пределами культурных неоднозначностей лежит нечто наподобие подразумеваемых знаний, которые так глубоко встроены в культуральный контекст, что их рассматривают как нечто очевидное и не нуждающееся в объяснении или обсуждении» [4. С. 158].

В работе [5] О. Дюкро высказал предположение, что в самом значении любого лексически самостоятельного слова заложено обыденное представление, свойственное большинству говорящих на данном языке, о том, какой должна быть эмпирическая сущность, обозначаемая данным языковым знаком при нормальном, естественном для данного национально-лингвокультурного сообщества, положении дел. При построении высказывания на естественном языке возможны 2 случая: 1) признаки, актуализируемые предикативными словами (прилагательными для существительных или наречиями для глаголов), которые О. Дюкро называет словами-модификаторами,

совпадают с прототипическими представлениями об объекте, называемом существительным, или о процессе, действии, называемом глаголом, и тогда степень убедительности высказывания возрастает, и, наоборот, 2) если предикат указывает на некие признаки, которые мало совместимы с представлениями о «нормальном» объекте/процессе данного класса, возникает некое аномальное малоубедительное высказывание, для обоснования которого нужны дополнительные прагматические факторы. Первый тип модификаторов О. Дюкро называет «реализующими» – они приближают обозначаемые объект или ситуацию к прототипическим, увеличивая тем самым аргументативную силу высказывания, а вторые – «дереализующими» – они, напротив, отдаляют обозначаемые данным словом объект или ситуацию от типичного представления о подобных объектах или ситуациях, переводя их в разряд нетипичных, уменьшая аргументативную силу высказывания или даже придавая ей противоположный вектор. Например, высказывание «Это была трудная задача» имеет больший аргументативный вес, поскольку воспринимается носителями языка как «естественное» и не требует дополнительных обоснований, поскольку предикат *трудная* несколько не противоречит, а, наоборот, соответствует прототипическому представлению о задаче – в норме она должна быть трудной. И наоборот, высказывание «Это была простая задача» не кажется естественным, оно требует дополнительного контекста для обоснования: «Это была простая задача, поэтому я решил её так быстро». Экспресс-тестом для определения дереализующих модификаторов служит приложимость к синтагме XY формулы «X, но (mais) Y», в то время как для «реализующих» модификаторов экспресс-тестом служит формула «X, и даже (et même) Y».

Мы адаптировали данные формулы экспресс-теста, сохранив союз *но* в первом тесте, но заменив 'даже' на союз *и*. Данные коррективы соответствуют исследовательским выводам об имплицитной семантике русских союзов в работах Е.В. Урысон. Так, исследователь указывает [6] на семантическую функцию союза *но* указывать на несоответствие сложившейся ситуации привычному положению дел (житейской норме), отмечая, что семантическая presupпозиция союза может выглядеть так:

Обычно ситуация типа Р влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то не имеет места ситуация типа Q.

Например, ситуация X работает в Высшей школе экономики (Р) предполагает, что X много зарабатывает и от него требуют, чтобы он хорошо одевался (обычно не имеет места ситуация Q «X плохо одевается»), поэтому ситуация Q воспринимается как аномальная (Он работает в Вышке, но одевается плохо).

В недавней работе Е.В. Урысон [7] уточняет, что в основе функционирования союза *но* лежат неоправдавшиеся ожидания говорящего относительно взаимосвязи двух ситуаций Q и Р, где одна ситуация, скажем Q, индуцирует, согласно ожиданиям говорящего, ситуацию типа Р, однако в наблюдаемом положении дел Q сопровождается не-Р. Такого рода неоправдавшиеся ожидания могут быть двух видов: продиктованные представлениями объективной картины мира и обусловленные субъективной или идеальной картиной мира. При этом «в объективной картине мира зафиксированы физические,

химические, биологические и другие естественно-научные законы – ненарушаемые законы природы. В субъективной картине мира фиксируются представления о нормальном, т.е. хорошем социуме, о человеческих действиях и их нормальных следствиях, о нормальных человеческих взаимоотношениях...» [7. С. 584]. На наш взгляд, говоря о субъективной нормативной картине мира, стоит рассуждать о трёх её аспектах: 1) «общечеловеческие принципы» (не убий, не укради и т.д.); 2) обусловленные интракультурными и интраэтническими нормами модели поведения; 3) сформировавшиеся в личном, житейском опыте говорящего представления. Естественно, что все три аспекта, как в кругах Эйлера, имеют зоны пересечения: общечеловеческие принципы определяют основные направляющие интракультурных норм, которые, в свою очередь, придают особую конфигурацию ценностным областям, оставшимся в «слепой» зоне норм первого типа; в то же время личные житейские нормы могут в некоторой степени противоречить ценностным императивам, выработанным в этнокультуре, и если количество тех представителей этнокультуры, чьи личные нормы социального поведения противоречат устоявшимся в этническом сообществе, достигает некоего значительного количества, интракультурные нормы трансформируются. Прежде чем это произойдёт, сферы национальной нормативной картины мира, которым угрожает трансформация, переживают некоторый период «турбулентности», что мы попытаемся показать, анализируя материалы экспериментальной работы.

Итак, используя адаптированные для русского материала тестовые формулы, мы сосредоточимся на выявлении, прежде всего, интракультурной нормативной языковой картины мира, однако по возможности будем анализировать влияние и личного житейского опыта.

Возвращаясь к концепции Е.В. Урысон, отметим, что вводимая нами тестовая формула с союзом *но* «S, *но* Adj» (*человек, но светлый*) и «V, *но* V+Comp.» (*жить, но думать о себе*) или «V, *но* Cironstant» (*жить, но для себя*) как раз-таки призвана выявить несоответствие, по мнению говорящего/респондента, пропозиции в первой части тестовой формулы и пропозиции в её второй части привычному положению дел: формула *человек, но светлый* предполагает следующий «ход мысли»: если это человек (в норме человек не должен быть светлым), то то, что он – светлый, неправильно, неестественно → человек, но светлый.

И наоборот, использование союза *и* в другой формуле предполагает полное соответствие сопологаемых пропозиций нормативным ожиданиям: *человек, и светлый* – если это человек (в норме человек должен быть светлым), то то, что он – светлый, соответствует ожиданиям, норме → человек, и светлый.

2. Дизайн эксперимента и его результаты

183 респондентам четырех возрастных групп: 14–15 лет (35 чел.), 16–19 лет (74 чел.), 20–25 лет (44 чел.), 26–40 лет (30 чел.) был предложен текст следующего содержания, взятый нами из районной газеты (рубрика «Жизненные истории»). Ставя перед собой задачу актуализировать представления, свойственные нормативной картине мира, мы сформулировали задание, которое вне исследовательских целей может показаться некорректным с точки зрения норм толерантности (на что нам указывала в личной беседе

Е.Ю. Протасова, и мы с благодарностью принимаем это замечание), однако свою эвристическую задачу оно выполнило. Итак, текст предваряло задание: «Прочитайте текст, выскажитесь (письменно) в поддержку либо тезиса «Варя хорошая», либо тезиса «Варя плохая». Аргументируйте свою точку зрения. Ниже приводим текст:

Игорь рос тихим, спокойным парнем. Родители умерли рано, а его воспитанием занималась старшая сестра Варя. Варя делала всё, чтобы мальчик не чувствовал себя сиротой: покупала хорошие вещи и игрушки, водила в цирк и в кино, старалась окружить мальчика теплотой и заботой. Конечно, для этого сестре приходилось много работать, на личную жизнь времени не хватало, да и к чему это: все мысли были о младшем брате. Когда Игорь поступил в институт, Варя случайно узнала о его романе с женщиной, которая была на 10 лет старше его, у неё уже был ребёнок от первого брака. Как ни пыталась Варя убедить брата не связывать свою жизнь с этой женщиной, брат настоял на своём: Игорь и Лена (так звали избранницу) поженились. Семейная жизнь не заладилась с самого начала. Игорь подозревал жену в изменах, дело иногда доходило до драки. Видя всё это, Варя тяжело заболела – перестали слушаться ноги. Вскоре Лена исчезла в неизвестном направлении, оставив своего ребёнка от первого брака Игорю. Молодой человек сначала запил, а затем, одумавшись, решил целиком посвятить себя карьере. Чтобы помочь брату, воспитанием чужого ребёнка занялась не перестававшая страдать от болей в суставах Варя.

Время для письменной аргументирующей реакции не было ограничено, но в среднем информанты тратили на выполнение задания около 15 минут. Объём аргументирующих высказываний варьировал от 1 предложения до 22 (около 200 слов).

Анализируя полученные результаты, мы были сосредоточены на предикативных единицах – прилагательных и глаголах, которые использовались информантами для доказательства своего тезиса и референтом для которых являлась Варя, героиня рассказа. Отметим, что прилагательных было использовано очень мало: заботливая (1), милосердная (1), жертвенная (1), смелая (1), отважная (1), великодушная (1), добрая (8), светлый (человек) (16). Мы обратили внимание на то, что прилагательное *светлая* используется в 15 случаях из 16 в аргументативно сильной позиции – в финале высказывания и часто служит своего рода категориальным термином: *Варя – заботливая, добрая, великодушная, в старину таких как она называли светлыми людьми.*

Мы предположили, что прилагательное *светлый* является в терминах О. Дюкро реализующим модификатором для лексемы *человек*, называя качество, которое ингерентно понятию «человек» в русской прототипической картине мира (человек должен быть светлым). Чтобы проверить это предположение, мы предложили тем же респондентам оценить естественность сочетаний «человек, но светлый» и «человек, и, конечно, светлый» (на тот момент адаптированный тест для дереализующих модификаторов выглядел так, позднее мы его изменили, используя только союз *и*). Респондентам предлагалась следующая инструкция: Подчеркните те сочетания, которые кажутся Вам более естественными, «ложящимися на ухо» (для этого произнесите их

вслух или про себя). Не рефлекслируйте, постарайтесь сделать задание быстро.

132 респондента из предложенных суждений выбрали «человек, и, конечно, светлый», а 41 – «человек, но светлый», 9 человек не выполнили задание (рис. 1). Отметим, что большинство респондентов, выбравших в качестве наиболее приемлемого суждение «человек, но светлый», принадлежат к возрастным группам 14–15 и 20–25 лет.

Рис. 1. Распределение реакций респондентов на тестовые задания с синтагмой *светлый человек*

Позднее М.К. Шарова [8] провела ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *человек* и, отобрав 10 наиболее частотных стимулов, также применила к ним тесты Дюкро в сочетаниях с существительными *человек, мужчина, женщина*. Одно из прилагательных, попавших в выборку было *добрый*. По результатам теста 75% и мужчин (из 20 чел.), и женщин (из 20 чел.) посчитали более естественными сочетания «женщина, и добрая», нежели «женщина, но добрая». При этом 80% мужчин посчитали более естественным сочетание «человек, и добрый», в то время как среди женщин таких было всего 45 %.

Далее при анализе ответов респондентов мы обратили внимание на большое количество повторяющихся глагольных синтагм, своеобразных вербальных синлексов [9]: 1) отдаёт другим (7); 2) думала о других (8); 3) желала счастливой жизни другому (10); 4) живёт для другого (10); 5) не бросила (10); 6) помогала (11); 7) жизнь посвятила другим (13); 8) отказывала себе во всём (14); 9) жертвует собой (37).

Мы так же, как и в предыдущем случае предположили, что данные предикаты совпадают с нормативными представлениями о процессе, который в русской языковой картине мира обозначается глаголом *жить* (предикаты 1–8), а также о действии в самом общем представлении – лексема *делать* (предикат 9), поскольку данный предикат в высказываниях информантов форми-

ривал ближайший контекст с разнообразными глаголами действия (*воспитывала, жертвуя собой; помогала и жертвовала собой* и т.д.). В последнем случае обращал на себя внимание тот факт, что синлекс *жертвовала собой* использовался не только в рассуждениях в пользу героини рассказа, но и для отстаивания тезиса «Варя плохая», например: *Варя – дура, жертвующая собой*. Тестовая формула в виде 1) «сделать, и пожертвовать собой» и 2) «сделать, но пожертвовать собой» была предложена для оценки 20 информантам в возрасте от 21 до 35 лет: 13 информантов выбрали первое утверждение, 6 – второе, 1 – отказался отвечать. Когда эта же формула была предложена для оценки 20 информантам в возрасте от 14 до 19 лет, 3 информанта выбрали первую формулировку, а 17 – вторую.

Кроме того, 20 информантам из возрастной группы 21–35 лет были предложены для оценки «естественности» нижеследующие сочетания (далее приводятся результаты):

Распределение реакций респондентов на тестовые задания с предикативными синтагмами

№	Соответствие естественному положению дел (количество выборов)	Диагностируемый ингерентный признак категории (€ маркирует вхождение в категорию)	Несоответствие естественному положению дел
1	сделать, И пожертвовать собой (1)	<i>пожертвовать собой</i> € «сделать»	сделать, Но пожертвовать собой 19
2	жить, И желать счастливой жизни другим (20)	<i>желать счастливой жизни другим</i> € «жить»	жить, Но желать счастливой жизни другим 0
3	жить, И посвятить себя другим (20)	<i>посвятить себя другим</i> € «жить»	жить, Но посвятить себя другим 0
4	жить, И помогать другим (20)	<i>помогать другим</i> € «жить»	жить, Но помогать другим 0
5	жить, И отдавать всё другим (19)	<i>отдавать всё другим</i> € «жить»	жить, Но отдавать всё другим 1
6	<u>жить, И жить для другого (2)</u>	<i>жить для другого</i> € «жить»	жить, Но жить для другого 18
7	<u>жить, И жить для себя (2)</u>	<i>жить для себя</i> € «жить»	жить, Но жить для себя 18
8	прожить, И не бросить его (19)	<i>не бросить его</i> € «жить»	прожить, Но не бросить его 1
9	прожить, И не бросить её (18)	<i>не бросить её</i> € «жить»	прожить, Но не бросить её 2
10	жить, И отказывать себе во всём	<i>отказывать себе во всём</i> € «жить»	жить, Но отказывать себе во всём 20
11	жить, И думать о себе (11)	<i>думать о себе</i> € «жить»	жить, Но думать о себе 9

3. Интерпретация результатов

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом.

Вероятно, можно говорить о трех уровнях нормативной картины мира этноса: уровне идеала (верхний предел должного), прототипическом уровне, где сосредоточены представления о естественном положении дел (базовый уровень должного), и, наконец, уровне стереотипа, аккумулирующем представления, не имеющие отношения, собственно, к понятию нормы (вне сферы

должного), а только к типичности совместной встречаемости нескольких категорий или признаков. Пропозиционально можно дать следующие дефиниции указанным уровням: прототипический уровень – «Если Q, то P, и это естественно» (если ты женщина, то ты заботлива), уровень идеала – «Если Q включает P, то Q – самый лучший представитель категории» (если он сделал что-либо, пожертвовав собой, то он – самый лучший представитель категории), уровень стереотипа – «Если Q, то часто можно подумать о P» (если ты блондинка, то можно подумать, что ты неумная). Оговоримся, что в рамках данной публикации уровень стереотипа мы рассматривать не будем.

Значение слова, а точнее, денотативное значение слова, включает в себя представления о месте объекта, процесса, явления на всех трёх упомянутых уровнях нормативной картины мира. Иначе говоря, в представлении о классе объектов, процессов, явлений, которые могут быть обозначены данным словом, кроме образных (параметрических, перцептивных) и понятийных компонентов, входят компоненты, фиксирующие представления о наилучшем образце данной категории, о свойствах и качествах естественного, прототипического представителя данной категории, так же как и о том, о чём чаще всего можно подумать, воспринимая объект данной категории.

Мы полагаем, что в первой части нашей экспериментальной работы для аргументации в пользу тезиса «Варя хорошая» респонденты использовали предикаты как уровня «идеала», так прототипического уровня. Уже на первом этапе при анализе аргументирующих дискурсов стало заметно, что самые частотные предикаты при аргументации в пользу тезиса «Валя хорошая» (*пожертвовала собой, отказывала себе во всём*) 1) сопровождались рефлексиями информантов об исключительности таких людей: *человек, который способен жертвовать собой ради счастья и благополучия других, действительно редкость* (20 лет, жен.); 2) использовались также и при аргументации в пользу противоположного утверждения «Валя плохая»: *Она пожертвовала своей жизнью, судьбой, счастьем сначала из-за брата, потом из-за ребёнка. Она привыкла приносить себя в жертву и всегда будет из-за этого страдать. Каждый в ответе только за себя* (22 года, жен.).

Можно предположить, что именно нормативные представления, принадлежащие уровню «идеала», наиболее часто подвержены изменениям: они могут оспариваться, отрицаться и, в конце концов, могут быть «вымараны» из нормативной картины мира. На возможность «вымарывания» идеала, а затем возвращения его в нормативную картину мира косвенно указывают данные о частотности употребления вербального синлекса *пожертвовать собой* в письменных текстах на русском языке по данным сервиса Google n-gram Viewer (рис. 2): мы можем наблюдать головокружительные подъёмы частотности в знаковые для страны годы (1917–1924, 1940–1945), перемежающиеся столь же резкими провалами (1924–1939, 1945–1958).

Рис. 2. Динамика частотности глагольной синтагмы пожертвовал собой по данным Google n-gramm Viewer

Отделить более чётко денотативные признаки, принадлежащие уровню «идеала», и признаки прототипического уровня нормативной языковой картины мира помогли результаты второй части экспериментальной работы. Обработка ответов респондентов показала, что те денотативные признаки, которые были частотны в аргументирующих дискурсах, но оказались в ответах респондентов маркированы как несоответствующие норме при естественном положении дел, следует отнести к «идеальным» денотативным признакам. Таких признаков оказалась 2, один (уже обсуждавшийся) – для характеристики категории «действие/поступок» («жертвовать собой»), а для другой для характеристики процессуальной категории «жить» («отказывать себе во всём»): 100% респондентов выбрали как более естественные суждения «сделать, но пожертвовать собой» и «жить, но отказывать себе во всём».

Все остальные предикаты, использованные в первой части эксперимента в аргументирующих дискурсах и отмеченные респондентами по итогам теста Дюкро как соответствующие нормативным ожиданиям (X, и Y), мы отнесли к прототипическому уровню нормативной картины мира. Так, выборы, сделанные респондентами относительно самых частотных адъективов *добрая* (женщина) и *светлый* (человек), показывают, что признаки, актуализируемые этими прилагательными, ингерентны денотативным классам «женщина» и «человек» соответственно, а пропозиции «это человек/это женщина» не вступают в противоречие с пропозициями «он – светлый/она – добрая»). Хотя кажется интересным, что денотат *женщина* естественным образом инкорпорирует в себя характеристику *добрая* как для женщин-респонденток, так и для мужчин, а вот признак доброты для категории «человек» признают естественным и нормальным менее половины женщин, но более 80% мужчин. Таким образом, можно поставить вопрос о гендерной диверсификации прототипической картины мира.

Другой фактор диверсификации – возрастной. Влияние этого фактора обнаруживается при анализе возрастной характеристики и выбора тестовой формулы с прилагательным *светлый* – чем моложе респондент, тем менее

прототипической кажется ему эта характеристика для денотативного класса «человек».

Другие «прототипические» характеристики процесса, обозначаемого глаголом *жить*, по данным второго этапа эксперимента с тестовой формулой Дюкро, таковы: *жить*, и желать счастливой жизни другим; и посвятить себя другим; и помогать другим; и отдавать всё другим; и не бросить его/её. С последним признаком можно наблюдать ситуацию гендерной гетерогенной сфокусированности – у женщин-респонденток частотность выбора «жить, и не бросить ЕГО» была выше, чем «жить, и не бросить ЕЁ», а у респондентов-мужчин – наоборот.

В зону «турбулентности» попали такие характеристики, как: жить и/но думать о себе, а также жить и/но для себя/для другого. В последнем случае в ответах респондентов содержится противоречие: большинство респондентов выбрали как более естественные два разнонаправленных по аргументативному вектору сочетания «жить, но жить для себя» и «жить, но жить для другого». Предполагаем, что здесь мы наблюдаем столкновение представлений, являющихся частью прототипической картины мира этноса, и представлений о «нормальном» положении дел, сформированных в персональном житейском опыте.

Наконец, уже устоявшейся прототипической и естественной характеристикой процесса *жить* можно считать отсутствие необходимости в аскетизме, в отказе от большинства потребностей – *жить, но отказывать себе во всём* был единственным вариантом, выбранным информантами.

Мы можем визуализировать полученные результаты следующим образом:

Признаки категорий «человек», «делать», «жить» в нормативной русской языковой картине мира на прототипическом уровне и уровне идеала

<i>Уровень идеала</i>		Жертвовать собой	Отказывать себе во всём
Прототипический уровень	светлый		помогать другим, не отказывать себе во всём, не бросать других, посвятить себя другим, желать счастливой жизни другим
Зона «турбулентности»			жить для другого?/ для себя?, не думать о другом?/ себе?
	«человек»	«делать»	«жить»

Вывод, или Зачем это нужно лингвистике?

Лингвистика достаточно давно оперирует термином «языковая картина мира», определяя его как ментальный способ или форма и результат отображения человеком мира [10. С. 16]. По мере исследования понятие картины

мира всё более детализируется, дробится [11], в нём проявляются разные измерения, появляется гносеологический «объём». В частности, выделены такие измерения картины мира, как ценностное (ценностная (языковая) картина мира [12, 13]), нормативное (нормативная (языковая) картина мира [14, 15]). Так, Л.Г. Ефанова определяет нормативную языковую картину мира как отражённую в семантике языковых единиц разных уровней систему социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения [16]. Однако следует принять во внимание тот факт, что нормативная языковая картина мира неоднородна с точки зрения её проницаемости для рефлексии и интроспекции. Не все её содержания регулярно эксплицитно объективируются средствами языка – они могут лишь подразумеваться, имплицитоваться денотативным значением языковой единицы самой по себе, не сопровождаемой средствами или маркерами оценки. Происходит это, вероятно, потому, что представления, формирующие нормативную языковую картину мира, не всегда обусловлены положительной оценкой отражаемого ими положения дел – они часто фундированы в разделяемых членами лингвокультурного сообщества соглашениях о том, что считать естественным положением дел *tacito consensu*, которое никакой оценки не содержит, но отклонение от такого положения дел сразу же маркируется отрицательно. Такой уровень нормативной языковой картины мира мы предлагаем назвать *прототипической языковой картиной мира* – совокупностью разделяемых представителями лингвокультурной общности и имплицитно включенных в денотативное значение лексических единиц данного языка представлений о признаках, качествах объектов, процессов, феноменов окружающей среды при естественном, нормальном положении дел.

Что даёт изучение такого аспекта нормативности семантике? Нам представляется, что изучение такого имплицитного прототипического «зерна» в значении слова даёт существенный импульс к пониманию того, какова функция того или иного слова в речевом общении. Если мы вернёмся к извечному вопросу семантики «что есть значение слова?», то можно предположить, что это – сконцентрированный социальный опыт, некая социальная матрица, доступ к которой открывает вербальная форма. Как отмечает П. Тибо, «понятие функциональности языка должно быть пересмотрено: следует говорить не о собственно функциях вербальных форм в языке, но, скорее об их функциях в речевом взаимодействии субъектов» [17].

Следовательно, лингвисты смогут более точно ответить на вопросы, которые кажутся простыми, если рассматривать значение слова как дескрипцию его места и функции в лексической системе языка, но обнаруживают свою нетривиальность в контексте реального речевого взаимодействия:

Что значит слово *человек* в нижеследующем диалоге героинь фильма «Любовь и голуби» Надежды и Раисы Захаровны?

РЗ: *Успокойтесь, прошу вас. Вы его любите?*

Н.: *Чего?*

РЗ: Любите ли вы этого человека?

Н.: Да какой это человек? Да был бы это человек, да разве бы он так поступил?

Что подразумевают слова *мужчины* и *женщины* в речевом взаимодействии создателей телеканала и их потенциальных зрителей, если рекламный слоган гласит:

Телевидение для мужчин и умных женщин...

Представляется, что изучение прототипической языковой картины мира имеет определённые перспективы для решения проблем семантического описания языковых единиц.

Литература

1. *Стернин И.А.* Структурные компоненты значения слова // Русистика и современность. Т. 1: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2005. С. 30–38.
2. *Mortureux M.-F.* La lexicologie: entre langue et discours. P. : Armand Colin. 2013. 207 p.
3. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. *Трейси К., Роблз Дж.* Повседневный разговор: Строение и отражение идентичности / пер. с англ. М.: Гуманитарный центр, 2015. 448 с.
5. *Discot. O.* Les modificateurs déréalisants // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. P. 145–165.
6. *Урысон Е.В.* Союзы *a* и *no* и фигура говорящего // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 64–84.
7. *Урысон Е.В.* Выбор союза и *vs. no/a* при сочинении двух предложений (уточнение понятий «ожидание» и «норма») // Материалы междунар. науч. конф. «Диалог-2015», Москва 27–30 мая 2015. Т. 1. М., 2015. С. 579–589.
8. *Шарова М.К.* Фрагмент прототипической картины мира «Человек»: гендер как фактор вариативности // Материалы НПК «Молодежь и наука: проспект Свободный» Красноярск, 28–30 апреля 2015. Красноярск, 2015. С. 71–73.
9. *Климовская Г.И.* Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (4). С. 44–54.
10. *Зыкова И.В.* «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопр. когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 13–24.
11. *Калиткина Г.В.* Рецензия на книгу Л.Г. Ефановой. «Норма в языковой картине мира русского человека» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №3. С. 202–208.
12. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 166–205.
13. *Зализняк А., Левонтина И., Шмелёв А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html (дата обращения: 20.07.2015).
14. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 199 с.
15. *Ефанова Л.Г.* Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сиб. филол. журн. 2013. № 1. С. 101–106.
16. *Ефанова Л.Г.* Норма в языковой картине мира русского человека. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 492 с.
17. *Thibault P.J.* Grammar as System of Second-order Cultural Constraints on Action and Perception: intrinsic functional constraints on language as system of action and representation // Language and Robots: Proceedings of the Symposium. 10–12 December 2007, Aveiro, Portugal. P. 9–11.

PROTOTYPICAL LINGUISTIC WORLDVIEW AND WORD SEMANTICS *TACITO CONSENSUS*: EXPERIMENTAL STUDIES

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 29–42.

DOI: 10.17223/19986645/38/3

Kolmogorova Anastasia V., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: nastiakol@mail.ru

Keywords: prototypical linguistic worldview, denotative word meaning, norm, semantic valuation experiment, category.

The research is devoted to the study of implicit features of word semantics that are due to speakers' representations of what state of things is considered as natural in the worldview of their ethnic and cultural community.

The research hypothesis is that the picture of the prototypical features of an object or a process, representing a definite fragment of linguistic worldview, is implicitly included into the semantics of the noun or verb which denotes it, predetermining the pragmatic meaning and function of the feature lexical units (e.g. adjectives) which constitute its immediate syntagmatic context.

The theoretical framework of the research includes notions of “subjective” or “ideal norm” [Uryson 2015], broadly discussed in Russian semantic studies, and the phenomenon of “linguistic argumentation” that is actively investigated in French semasiology as a part of lexical and semantic structure of a word [Ducrot 1995].

The research employs the following methods: the method of semantic valuation experiment and qualitative-quantitative analysis.

The experiment design included four stages. At the *first* stage, an experiment was conducted. In the experiment, informants (group 1) produced an argumentative text in response to a stimulus text. At the *second* stage, the most frequent feature lexical units which appeared as part of an argument in the texts of informants were identified. At the *third* stage, these feature lexical units (adjectives and verbs) were presented to informants (group 2) within semantic valuation experiment (e.g.: which statement do you think sounds more natural: *a person, but the bright one; a person, and of course, the bright one*). At the *fourth* stage, qualitative-quantitative analysis was carried out. The results of the experiment were ranged according to age and gender groups. In the experiment the informants were presented with the lexical units which had not been frequent in argumentative text-responses at the first stage of the experiment.

The results of the research showed that the adjectives and verbal syntagms identified at the first stage of the experiment and included in the process of verbalization of the arguments in the texts of the informants (group 1) happened to appear in the semantic valuation experiment (group 2) as denominations of prototypical characteristics of the objects/processes in the focus of the first group informants' argumentative discourse; but the author has noticed that the degree of prototypicality of the object or process feature depends on age and gender of informants.

A conclusion is made that there is a necessity for development of a special linguistic worldview – “prototypical worldview” – and that this worldview influences the pragmatics of linguistic units in discourse.

References

1. Sternin, I.A. (2005) [Structural components of the word]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and modernity]. Proc. of the international conference V. 1. St. Petersburg: Sudarynya. (In Russian).
2. Mortureux, M.-F. (2013) *La lexicologie: entre langue et discours*. Paris: Armand Colin.
3. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Tracy, K. & Roblz, J. (2015) *Povsednevnyy razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti* [Casual conversation. Structure and reflection of identity]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
5. Ducrot, O. (1995) Les modificateurs déréalisants. *Journal of Pragmatics*. 24. pp. 145–165.
6. Uryson, E.V. (2004) Soyuzy a i no i figura govoryashchego [Conjunctions “and” and “but” and the speaker]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 6. pp. 64–84.
7. Uryson, E.V. (2015) [Selecting conjunction “and” vs. “but” in coordinating two sentences (clarifying the concepts “anticipation” and “norm”)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferent-*

sii "Dialog-2015" [Proceedings of the International Conference "Dialogue-2015"]. Moscow. May 27–30, 2015. V. 1. Moscow: RSUH. pp. 579–589. (In Russian).

8. Sharova, M.K. (2015) [Fragment of the prototypical image of the world "Man": gender as a factor of variability]. *Materialy NPK "Molodezh' i nauka: prospekt Svobodnyy"* [Proceedings of the conference "Youth and Science: Free Avenue"]. Krasnoyarsk. April 28–30, 2015. Krasnoyarsk: SFU. pp.71–73. (In Russian).

9. Klimovskaya, G.I. (2008) On synlexes (to the problem of functional approach to the nominative language material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (4). pp. 44–54. (In Russian).

10. Zykova, I.V. (2015) "Kontseptosfera kul'tury" kak bazisnaya edinitsa metazyzyka lingvo-kul'turologii [The "concept sphere of culture" as a basic unit of the meta-language of cultural linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 13–24.

11. Kalitkina, G.V. (2015) A Book Review: Yefanova L.G. Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka [The Norm in the Language Picture of the World of a Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 202–208. (In Russian).

12. Karasik, V.I. (2002) Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants of language]. In: Karasik, V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

13. Zaliznyak, A., Levontina, I. & Shmelev, A. (2002) Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. *Otechestvennye zapiski*. 3. [Online]. Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html. (Accessed: 20 July 2015).

14. Vol'f, E.M. (1978) *Grammatika i semantika prilagatel'nogo (na materiale iberoromanskikh yazykov)* [The grammar and semantics of the adjective (based on Iberian Romance languages)]. Moscow: Nauka.

15. Efanova, L.G. (2013) The subject of normative estimation expressed by the semantics of language units as the possessor of the national linguistic picture of the world. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 101–106. (In Russian).

16. Efanova, L.G. (2013) *Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka* [The norm in the language picture of the world of a Russian]. Tomsk: TPU.

17. Thibault, P.J. (2007) Grammar as System of Second-order Cultural Constraints on Action and Perception: intrinsic functional constraints on language as system of action and representation. *Language and Robots: Proceedings of the Symposium*. December 10–12, 2007. Aveiro, Portugal. pp. 9–11.